

оба труда широкаго въ славянской наукѣ значенія. Встрѣченный на Западѣ сначала недовѣріемъ подчасъ излишне скептическаго Добровскаго, неосмстрительно усумнивавшагося въ самомъ существованіи Іоанна Ексарха въ эпоху царя Симеона, и всегда придиричивымъ къ русскимъ ученымъ начинаніямъ Копитаромъ, трудъ Калайдовича, по словамъ строгаго аббата, занялъ у него однакѣ первое послѣ Библіи мѣсто. Только Востоковъ сразу у насъ сумѣлъ оцѣнить и ученое изслѣдованіе Калайдовича и „любопытныя приложенія“, эту богатую сокровищницу „древности славено-болгарскаго языка“, а Шафарикъ, получившій въ Новомъ Садѣ при помощи Кеппена экземпляръ „Іоанна Ексарха“ уже послѣ смерти графа Румянцова, признался впослѣдствіи въ одной изъ статей, что въ трудѣ Калайдовича онъ обрѣлъ тотъ путеводный огонекъ, который озарилъ свѣтомъ темную, какъ ночь, область первыхъ памятниковъ славянскаго слова.

Вторымъ выдающимся въ кругу Румянцова работникомъ въ области старославянскаго языка и письменности былъ А. Х. Востоковъ, справедливо называемый русскимъ Гриммомъ. Его знаменитое „Разсужденіе о словенскомъ языкѣ“ (1820 г.) раньше знаменитыхъ „институцій“ Добровскаго (1822 г.) сдѣлалось основнымъ трудомъ по исторіи старославянскаго языка и оказалось по многимъ результатамъ своимъ выше „институцій“, а классическое „Описаніе рукописей Румянцовскаго музея“ (1842 г.) открыло сокровищницу славянскихъ памятниковъ письменности для любителей старины.

Слѣдуетъ отмѣтить, что гр. Румянцовъ, въ заботахъ объ умноженіи своего драгоценнѣйшаго собранія славянскихъ рукописей и развитія вообще трудовъ по изученію Славянства пришелъ по необходимости къ мысли о порученіи специальныхъ разысканій отдѣльнымъ лицамъ и объ организаціи съ этою цѣлью особыхъ ученыхъ путешествій.

Еще въ 1819 году Румянцовъ думалъ дать порученіе Вуку Караджичу „обѣхать всѣ области славянскаго поколѣнія“ съ учеными заданіями и предлагалъ Вуку на эту цѣль свои средства, но поѣздка не осуществилась. Въ области маленькой кашубской вѣтви на побережьи Балтійскаго моря такое же порученіе Румянцова долженъ былъ выполнить данцигскій пасторъ Мронговіусъ. Разнообразны были начинанія мецената, хотя иногда они не шли, впрочемъ, не по его винѣ, дальше предположений и добрыхъ намѣреній.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ XIX стол. одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ Румянцовскаго кружка, примкнувшій къ нему